

Александр Блок

Судьба Аполлона Григорьева

Александр Блок

Судьба Аполлона Григорьева

«Public Domain»

1915

Блок А. А.

Судьба Аполлона Григорьева / А. А. Блок — «Public Domain»,
1915

«Пятьдесят лет тому назад умер Аполлон Александрович Григорьев, замечательный русский поэт и мыслитель сороковых годов. Из сочинений его издана весьма малая часть: томик стихов и первый том „Сочинений“; то и другое теперь – библиографическая редкость (особенно стихи). О Григорьеве не написано ни одной обстоятельной книги; не только биографической канвы, но и ученой биографии Григорьева не существует. Для библиографии Григорьева, которая могла бы составить порядочную книгу, не сделано почти ничего. Где большая часть рукописей Григорьева – неизвестно...»

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Александр Блок

Судьба Аполлона Григорьева

1

Пятьдесят лет тому назад умер Аполлон Александрович Григорьев, замечательный русский поэт и мыслитель сороковых годов. Из сочинений его издана весьма малая часть: томик стихов и первый том «Сочинений»; то и другое теперь – библиографическая редкость (особенно стихи). О Григорьеве не написано ни одной обстоятельной книги; не только биографической канвы, но и ученой биографии Григорьева не существует. Для библиографии Григорьева, которая могла бы составить порядочную книгу, не сделано почти ничего. Где большая часть рукописей Григорьева – неизвестно.

Судьба культуры русской определяется на наших глазах. В наши дни «вопрос о нашей самостоятельности» (выражение Григорьева) встал перед нами в столь ярком блеске, что отвернуться от него уже невозможно. Мне кажется общим местом то, что русская культура со смерти Пушкина была в загоне, что действительное внимание к ней пробудилось лишь в конце прошлого столетия, при первых лучах нового русского возрождения. Если в XIX столетии все внимание было обращено в одну сторону – на русскую общественность и государственность, – то лишь в XX веке положено начало пониманию русского зодчества, русской живописи, русской философии, русской музыки и русской поэзии. У нас еще не было времени дойти до таких сложных явлений нашей жизни, как явление Аполлона Григорьева. Зато теперь, когда твердыни косности и партийности начинают шататься под неустанным напором сил и событий, имеющих всемирный смысл, – приходится уделить внимание явлениям, не только стоящим под знаком «правости» и «левости»; на очереди – явления более сложные, соединения, труднее разложимые, люди, личная судьба которых связана не с одними «славными постами», но и с «подземным ходом гад» и «прозябаньем дольней лозы». В судьбе Григорьева, сколь она ни «человечна» (в дурном смысле слова), все-таки вздрагивают отсветы Мировой Души; душа Григорьева связана с «глубинами», хоть и не столь прочно и не столь очевидно, как душа Достоевского и душа Владимира Соловьева.

Убитый Грибоедов, убитый Пушкин. Точно знак того, что рано еще было тогда воздвигать здание, фундамент которого был заложен и сразу же засыпан, запорошен мусором. Грибоедов и Пушкин заложили твердое основание зданию истинного просвещения. Они погибли. На смену явилось шумное поколение сороковых годов во главе с В. Белинским, «белым генералом русской интеллигенции». Наследие Грибоедова и Пушкина, Державина и Гоголя было опечатано; Россия «петровская» и «допетровская» помечена известным штемпелем. Белинский, служака исправный, торопливо клеймил своим штемпелем все, что являлось на свет божий. Весьма торопливо был припечатан и Аполлон Григорьев, юношеский голос которого прозвучал впервые через шесть лет после смерти Пушкина. Оценка деятельности Белинского и его соратников еще впереди; меня она занимает лишь по отношению к Григорьеву; отмечу только, что русское возрождение успело расшатать некоторые догматы интеллигентской религии, и Белинский уже не всем кажется лицом неприкосновенным.

Худо ли, хорошо ли и по причинам, все равно каким, Григорьев был припечатан и, следовательно, не попал в интеллигентский «лубок»; в тот лубок, где Белинский занимает место «белого генерала». Поглумились над Григорьевым в свое время и Добролюбов, и Чернышевский, и их присные. Как при жизни, так и после смерти Григорьева о глубоких и серьезных его мыслях рассуждали всё больше с точки зрения «славянофильства» и «западничества», «консерватизма» и «либерализма», «правости» и «левости». В двух соснах и блуждали до конца

века; а как эти мерила к Григорьеву неприменимы, понимание его и не подвигалось вперед. В конце столетия, когда обозначилось новое веяние, Григорьева стали помаленьку распечатывать. Долгое время почтенные критики находили его «странным» (другого слова многие из них – увы! – до сих пор не могут придумать). Он

...странен? – А не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож!

Все-таки в григорьевской душе копались. Ив. Иванов на сотне страниц ругался; А. Волынский, со свойственной ему «импрессионистской смелостью», набросал портрет.

Наконец, в самое последнее время стали появляться довольно конфузные (для предыдущих критиков) статьи. В одной из них¹ говорится о том, что Григорьев «во многом повторял приемы Гете и Шеллинга, Карлейля и Эмерсона, Ренана и Гюго, предвосхитил Бергсона и Зиммеля, и потому в русской критике первенство его вне всякого сомнения». Не знаю, много ли это для русского мыслителя – «предвосхитить Бергсона и Зиммеля»; только в устах автора статьи это – большая похвала.

Судьба Григорьева сложна и потому – соблазнительна. В интеллигентский лубок он никогда не попадет: слишком своеобразен; в жизни его трудно выискать черты интеллигентских «житий»; «пострадал» он, но не от «правительства» (невзирая на все свое свободолюбие), а от себя самого; за границу бегал – тоже по собственной воле; терпел голод и лишения, но не за «идеи» (в кавычках); умер, как все, но не «оттого, что был честен» (в кавычках); был, наконец, и «критиком», но при этом сам обладал даром художественного творчества и понимания; и решительно никогда не склонялся к тому, что «сапоги выше Шекспира», как это принято делать (прямо или косвенно) в русской критике от Белинского и Чернышевского до Михайловского и... Мережковского.

Вместе с тем Григорьеву трудно попасть и в настоящие «святцы» русской словесности: был он все-таки в высшей степени «человеком сороковых годов». Конечно, не «урожденный критик» (если такие вообще водятся на свете), как полагал друг его Н. Н. Страхов; не «критик», потому что художник; однако строчил он пространно, языком небрежным и громоздким, в статьях же иногда и водянистым, даже более водянистым, чем язык Белинского. – Григорьева одолевали настоящие бесы, но был он мало «стихиен», слишком «человек»; не часто владел им тот бог, присутствие которого дает борьбе с бесами единственный и великий смысл. Вообще несчастья осыпали Григорьева; но ни одно из них не выросло до размеров божественной кары.

---

¹ Л. Гроссман. Основатель новой критики. – «Русская мысль», 1914, XI.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.